

УДК 94.47

Оськин М.В.¹

ПАДЕНИЕ КРЕПОСТИ КОВНО В 1915 ГОДУ: ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ПРОТИВ СТАРОЙ ФОРТИФИКАЦИИ.

Международная полицейская академия ВПА, г. Тула

Os`kin M.V.

FALL OF THE KOVNO FORTRESS IN 1915: HEAVY ARTILLERY AGAINST THE OLD FORTIFICATION

WPA International Police Academy, Tula

Аннотация: в неудачной для России кампании 1915 г. крепость Ковно должна была прикрыть сосредоточение ударной группы за линией реки Неман. Однако, после 11-дневной обороны крепость пала, не позволив русскому командованию завершить перегруппировку и тем самым вынудив русские армии отступать дальше на восток. Причинами быстрого падения крепости называются трусость коменданта, слабость пехотного гарнизона и устаревшая крепостная фортификация. В этом ряду стоит и еще одна немаловажная причина – «неправильное расположение и употребление артиллерии», что прежде всего прочего повлекло за собой непродолжительное сопротивление крепости Ковно.

Ключевые слова: крепость Ковно, осадная артиллерия, комендант Григорьев, 10-я армия, падение крепости.

Abstract: in the unsuccessful campaign of 1915 for Russia, the Kovno fortress was supposed to cover the concentration of the strike group behind the line of the Neman River. However, after an 11-day defense, the fortress fell, preventing the Russian command from regrouping and thus forcing the Russian armies to retreat further east. The reasons for the rapid fall of the fortress are the cowardice of the commandant, the weakness of the infantry garrison and the outdated fortress fortification. In this series, there is another important reason – "the incorrect location and use of artillery," which, above all, led to a short resistance of the Kovno fortress.

Keywords: Kovno fortress, siege artillery, Commandant Grigoriev, 10th Army, fall of the fortress.

В летней кампании 1915 г., отбиваясь от наседавшего противника, при отступлении из Польши, Литвы и Западной Белоруссии русское командование пыталось опираться на крепостные районы, дабы приостановить атаки немцев. Последней линией русских

¹ Оськин Максим Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры психологии, педагогики и гуманитарных дисциплин Международной полицейской академии ВПА

крепостей на реках Неман и Западный Буг были Ковно (Каунас), Гродно и Брест-Литовск. К лету 1915 г. крепости последней линии обороны, на которой главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта М. В. Алексеев рассчитывал остановить неприятеля, не были в должной мере готовы к оборонительным действиям сами по себе. Исправить полностью недостатки укреплений также не было возможности. Поэтому крепости могли выполнять лишь функции усиленного участка обороны в связке с полевыми армиями. Следовательно, успех действий крепостей прежде всего зависел от общей обстановки на фронте.

Первой из перечисленных в бой вступила крепость Ковно – «Ковно запирает Кенигсберг – Петербургскую железную дорогу, облегчает переброску значительных сил через Неман и Вилию, и представляет собой надежную опору для русских войск, действующих в Неманском районе» [4, с. 1], прикрываясь которой Алексеев рассчитывал образовать маневренную группу с целью мощного контрудара по немцам. Прекрасно сознававшие ситуацию немцы – в середине июля генерал-квартирмейстер германского Главного командования на Востоке М. Гофман записывал в дневнике, что рассчитывает через пару недель взять Ковно: «этим мы обеспечили бы наше левое крыло сильной позицией и имели бы возможность наступать на свободные русские фланги» [2, с. 354], – решили ударить по русской крепости 10-й армией, усиленной осадной тяжелой артиллерией.

В кампании 1914 г. крепость Ковно располагалась в относительном тылу армий Северо-Западного фронта, и служила резервуаром сил и средств ведения боя для полевых войск. Разумеется, крепость готовилась к вероятной обороне – так, «ввиду возможности обложения крепости Ковно», 19 июля, в первый день войны, МВД перевело ковенскому губернатору 300 тыс. руб. «на заготовку потребного для населения продовольствия». Через три дня были разосланы телеграммы киевскому генерал-губернатору и виленскому, лифляндскому, бессарабскому, ковенскому, курляндскому и эстляндскому губернаторам с разрешением «раздать населению общественные хлебные запасы» в случае вторжения неприятеля [РГИА. Ф. 1284. Оп. 250. Д. 44. Л. 65об.].

Весной 1915 г. крепость по-прежнему оставалась вне активных боевых действий. Казалось бы, что времени для дальнейшего ее укрепления усилиями гарнизона было достаточно, однако комендант В. Н. Григорьев не предпринимал бурной деятельности, пустив дела на самотек. В Ковно находилась только линия старых фортов, непосредственно располагавшаяся на городских окраинах – главная линия обороны (занеманский фронт крепости, форты № 1–5, промежуточные укрепления № 1–3 и участок обороны по реке Вилия, форты № 6–7) была построена в 1883 году. Согласно

предположениям о перестройке крепостей, утвержденным в 1911 г., укрепления должны были быть вынесены на 5–8 км от города, но сделать этого не успели. Гарнизон называл старые крепостные форты, не могущие выдержать обстрела тяжелой артиллерией, «братскими могилами», а потому не особенно упорствовал в их защите. Слабость фортификационных сооружений создавалась высшими штабами: «крепость эта совсем не была закончена перестройкой по плану 1911 г. Фактически не было построено на намеченном обводе ни одного нового форта, а были созданы только группы окопов, и в нескольких местах имелись зачатки бетонных убежищ. Передовые позиции представляли собой незаконченные нагромождения окопов со слабыми проволочными препятствиями впереди, при отсутствии надлежащих убежищ и ходов сообщения с тылом» [3, с. 6].

В. Н. Григорьев не усердствовал в деле укрепления обороноспособности крепости, но в выполнении ненужных указаний Ставки Верховного командования комендант, напротив, старался как мог. Так, 13 мая он телеграфировал генерал-квартирмейстеру штаба Северо-Западного фронта М. С. Пустовойтенко, что из города Ковно выселили около 30 тыс. еврейского населения, после чего в нем осталось не более 18 тыс., из коих при подходе противника будет выселено еще 8 тыс. детей, женщин и нетрудоспособных. Так как продовольствия не хватает (хлеб есть, но недостаточно мяса и сала, масла и сахара), требуется 400 тыс. руб. на покупку запасов для города на полгода. Численность гарнизона – 62 тыс. чел. и 3,4 тыс. лошадей, которому также требуется запасов на полгода (считалось, что крепость продержится в осаде именно этот срок), почему следует подвозить живой скот, ибо консервов хватит лишь на 52 дня [РГВИА. Ф. 2020. Оп. 1. Д. 33. Л. 47–48, 99, 127].

Действия военных властей подтверждались гражданскими. Ковенский губернатор Н. Д. Грязев 8 июня докладывал, что по приказу командарма-10 были «поголовно выселены евреи, проживавшие к западу от линии, Рига – Бауск – Поневеж – Вилькомир – Ковна», «захваченные немцами местности разорены; в Россиенском и Шавельском уездах сожжено множество селений. Жители разоренных местностей испытывают нужду, но постигшее их бедствие переносят спокойно. Выселившееся из района боевых действий население ютится в селениях и лесах в тылу наших армий» [ГА РФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 29. Л. 6–6об.]. Вместо того, чтобы укреплять, собственно, саму крепость, привлекая к этому гражданские власти региона, совершенствовать ее оборону и готовить части гарнизона, комендант больше концентрировался на организации принудительного беженства, тем самым якобы обеспечивая надежный тыл. Разумеется, когда враг подошел к Ковно, это не помогло.

Теоретически Ковно являлось наиболее мощным участком русской обороны по

Неману. Фронт защищавшей этот участок 10-й армии Е. А. Радкевича, протягивавшийся по рубежу реки Неман на его западном берегу, упирался своим левым флангом в крепость. Непосредственное прикрытие фланга 10-й армии в районе Ковно осуществлял 34-й армейский корпус Ф. М. Вебеля. Таким образом, крепость находилась в общем оборонительном фронте с полевыми войсками, не могла быть окружена противником, а потому имела все шансы для успешной обороны.

24 июля неприятель подошел к крепостным фортам, долженствовавшим прикрывать сосредоточение русских резервов у Вильно. На следующий день Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич телеграфировал императору Николаю II о начавшихся боях на крепостных фортах. Верховный сообщал, что немцы подошли к крепости на 5–6 верст, и «батареи Ковны ведут непрерывный огонь» [ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 160]. Невзирая на тот факт, что более тысячи орудий крепости в большей своей части были устаревшими, образца 1867 и 1877 гг., в Ковно стояли и новые орудия, в том числе две 10-дюймовые пушки с дальностью стрельбы свыше 18 км, а следовательно могли вести контрбатареиную борьбу.

Как и все прочие крепостные гарнизоны, ковенский гарнизон также являлся слабым по своему составу. Все лучшие войска уже давным-давно дрались в поле. В гарнизон крепости входили слабая 104-я пехотная дивизия (А. А. Цицович), полуразложившаяся от постоянного отхода 124-я пехотная дивизия (Н. Я. Лопушанский), собранная наспех Сводная пограничная дивизия (Ф. Н. Транковский) и 102-я ополченская бригада. Эти пехотные дивизии были только в июле сформированы из ополченских дружин, а потому пока еще не представляли собой должной силы. Для усиления обороноспособности 2 июня в район Ковно были переброшены еще 68-я пехотная дивизия (А. Н. Апрелев) из 5-й армии и полк офицерской стрелковой школы из 2-й армии. Эти войска напрямую подчинялись коменданту В. Н. Григорьеву. Сама же крепость из подчинения штабу 10-й армии переводилась в прямое подчинение штабу Северо-Западного фронта. Все-таки 4,5 дивизии, пусть и слабые, но опиравшиеся на поддержку крепостной артиллерии, должны были сцементировать русскую оборону по Неману.

С другой стороны, офицеры введенных в Ковно в качестве гарнизона частей и соединений, не успели даже ознакомиться с планами крепости и подступами к оборонительным участкам. Комендант не сделал ничего, чтобы познакомить офицерский состав подчиненных ему почти четырех дивизий с общим планом обороны. Войска были просто распределены по участкам, и о положении соседей ничего не знали. Вероятнее всего, что никакого плана обороны вообще не существовало. О беспорядке и хаосе в организации

обороны в штаб Северо-Западного фронта доносили многие командиры проходивших мимо ковенского крепостного района частей, но Григорьев так и не был смещен до самого конца.

Правда, противника все эти сложности не волновали. С первого же дня подхода к русской крепости немцы приступили к штурмовым действиям. Как говорит Журнал военных действий Ковно, в час ночи 26 июля «противник открыл артиллерийский огонь по позициям северного участка 1-го отдела обороны, доведя его к двум часам ночи до ураганного». Днем 26 июля немцы вновь открыли ураганный огонь, разрушив передовые окопы. 14,5-дм пушки стали бить по 3-му форту и центральной ограде. Ответный огонь крепостной артиллерии к вечеру 26 июля тоже «был доведен до степени ураганного». В 20.00 – новый штурм, причем бой шел и ночью. В целом к 3.00 ночи 27 июля штурм был отбит. Получив известие об отбитии штурма, М. В. Алексеев телеграфировал: «Благодарю гарнизон крепости за стойкий достойный отпор немцам» [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 242. Л. 241–243].

Как и под Льежем и Новогеоргиевском, немцы сосредоточили свою тяжелую артиллерию против части фортов, разбили их огнем и ворвались туда, а также в самый город Ковно, откуда уже били в тыл все еще сопротивлявшимся укреплениям. Германская артиллерия простреливала весь периметр обороны, так как укрепления и форты были прижаты к Неману и самому городу, а потому часть снарядов неизбежно попадала и по гражданским объектам. Например – награждение шоферов Е. Меркулова, С Кузнецова и Ф. Коровацкого: «под сильным действительным неприятельским огнем во время бомбардировки крепости Ковно, вывозили на автомобилях раненых из линии боя с центральной ограды на перевязочные пункты и по госпиталям в городе» [РГВИА. Ф. 13140. Оп. 1. Д. 2150. Л. 123об.].

В ходе боев 26–27 июля крепость израсходовала свои пехотные резервы, о чем Григорьев доложил в штаб фронта. Алексеев поручил командарму-10 Е. А. Радкевичу, которому подчинялся район обороны Ковно, образовать резерв из состава своей армии и усилить гарнизон двумя сибирскими стрелковыми полками – «нужно отстоять во что бы то ни стало крепостные позиции». Комендант также телеграфировал начальнику штаба фронта А. А. Гулевичу, что гарнизон сильно пострадал и необходима атака 10-й армии в тыл германскому осадному корпусу, чтобы вынудить немцев оттащить свою тяжелую артиллерию и тем обеспечить успех обороны. Отвечая на запрос коменданта, начальник штаба 10-й армии И. И. Попов сообщил, что армия готовит атаку в тыл немцам, дабы ослабить давление на крепость [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 242. Л. 248–252об., 255].

Очевидно, что ситуация с обороной Ковно складывалась тяжелая, невзирая на

отражение первых штурмов, а крепость была необходима Алексееву, напомним, для организации контрудара, на что требовалось время, дабы сосредоточить войска. Поэтому по поручению Алексеева 30 июля в Ковно прибыли из 10-й армии генерал для поручений при командарме-10 Г. М. Некрашевич и из штаба фронта генерал для поручений А.-А. Шихлинский. Они должны были ознакомиться с обстановкой и узнать, чем может помочь крепости 10-я армия [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 792. Л. 170]. В 11.00 началась новая бомбардировка крепости, и через полтора часа немцы пошли на новый штурм. Посланцы сами убедились, что войска гарнизона 1-го отдела обороны бились без отдыха и замены несколько дней, а «артиллерия наша и противника вела огонь наибольшего напряжения. Боем руководил сам комендант крепости» [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 242. Л. 255–256].

Сражающиеся перемешались, а почти все офицеры и унтер-офицеры погибли, что вызвало падение дисциплины, бегство в тыл и необоснованную сдачу в плен [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 246. Л. 4об.]. Ситуация оказалась разная и зависела от командного корпуса: часть личного состава бросала оружие, сдаваясь противнику при первых выстрелах, а некоторые форты, напротив, дрались до последнего патрона. Например, одна из ополченских дружин (7-я ковенская) была брошена в контратаку, но, дойдя до противника, она в полном составе бросила винтовки и сдалась. Что и неудивительно: необстрелянные войска никоим образом не смогут прорвать насыщенную пулеметами оборону. В то же время часть укреплений крепости еще продолжала сопротивление.

Как бы то ни было, сражение в районе Ковно было общим, а помощи крепости не дали. Около 19.00 2 августа И. И. Попов сообщил начальнику штаба Ковенской крепости В. К. Бурковскому – «Прошу верить, что вся 10-я армия горит желанием помочь вам всем, чем только может, но к сожалению, громадный фронт, который приходится удерживать, не давал до сих пор возможности притянуть значительные силы для помощи крепости». В итоге в ночь с 1 на 2 августа противник занял часть позиций 1-го отдела обороны, «нанеся громадные потери гарнизону крепости». С утра 2 августа противник обстреливал район старого города, в том числе крепостной госпиталь, где были погибшие. Журнал военных действий Ковно отмечает, что «около 6 часов вечера неприятель стал прорываться к 2-му форту, нанося гарнизону огромные потери артиллерийским огнем. Много снарядов стало попадать в город, и положение стало критическим», так как после 9-дневного обстрела 1-й, 2-й и 3-й форты пришли в полную негодность [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 246. Л. 2об.–3]. Именно теперь сказалась неподготовленность крепости к действенной обороне в фортификационном отношении.

В 3.00 ночи 3 августа Григорьев сообщил, что неприятельский штурм отбит, но

гарнизон оттеснен вглубь крепости; причина неуспеха – «страшная артиллерия противника и неустойчивость ополченцев и пограничников». Противник меж тем лишь усиливал натиск, дожимая обороняющихся, тем более что стало понятно, что в крепости нет резервов, а имеющиеся войска до крайности измотаны, раз некоторые подразделения стали сдаваться в плен. До 11.00 утра 3 августа немцы обстреливали крепость, а затем опять пошли на штурм; линия разрушенных фортов переходила из рук в руки. В шесть вечера Бурковский телеграфировал в штаб Северо-Западного фронта, что на северном участке 1-го отдела противник прорвал центральную ограду, почему мосты через Неман подготовлены к взрыву [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 265. Л. 33].

К 17.00 немцы заняли 1-й и 2-й форты, и подошли к центральной ограде, начав обстреливать сам город Ковно. В 19.00 начальник артиллерии центральной ограды 1-го отдела обороны штабс-капитан Войцедский был ранен и взят в плен, люди перебиты, и противник прорвался за центральную ограду. Григорьев отдал приказ эвакуировать раненых (успели вывезти 6 тыс. чел.). В этой ситуации комендант потерял голову, и с вечера 3 августа почти до утра метался по крепости, собирая пехотные части для организации контратаки. Не сумев наскрести резервов, В. Н. Григорьев совершил главную ошибку – без приказа бросил все еще дравшуюся в локальных очагах крепость и рано утром еще в темноте выехал в тыл на 25 верст в местечко Кошедары для личных переговоров по телеграфу с командармом-10 Е. А. Радкевичем [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 246. Л. 3об.–4, 6об.].

С отъездом коменданта оборона окончательно посыпалась, пехотные подразделения стали спешно отступать, а артиллеристы по возможности взрывали пушки и беспорядочно отходили вместе с пехотой. Крепостные начальники выехали за ее пределы, к 18.00 4 августа собравшись в местечке Жижморы, куда подходили остатки войск, артиллерии, большое количество обозов. Временным начальником этих войск стал командир 102-й бригады государственного ополчения С. З. Верховский, затем командование остатками гарнизона принял командир 124-й пехотной дивизии Н. Я. Лопушанский. Комендант В. Н. Григорьев и начальник штаба В. К. Бурковский прибыли в Жижморы в 21.00, а уже в час ночи Григорьев был арестован инспектором артиллерии 34-го армейского корпуса Г. Ф. Чепурновым.

Действительно, в момент, когда дело, возможно, было еще поправимо, а на поддержку спешили полевые войска (4-я Финляндская стрелковая дивизия), исход борьбы за крепость Ковно решился действиями ее коменданта, бросившего крепость. Как впоследствии он сам объяснял ситуацию следственной комиссии, якобы для того, чтобы

«собрать войска». Какие войска он хотел собрать, если учитывать, что три дивизии продолжали сопротивление, неизвестно. Только комендант имел информацию об общих условиях обороны, и именно он должен был организовать слаженные оборонительные действия частей гарнизона. «Собирать войска» мог бы кто-либо из его помощников. Разумеется, о бегстве стало немедленно известно, и Верховный главнокомандующий телеграфировал Николаю II, что «комендант Ковно, генерал Григорьев бежал из Ковно. Бывший гарнизон в беспорядке отступает. Приказал Григорьева арестовать, судить полевым судом. Принимаются сверхэкстренные меры соответственно создавшейся обстановке» [ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 176].

Противник же не стал даром терять время, закрепляя успех, вызванный неразберихой в русском командовании и паникой в оборонявшихся войсках. Днем 4 августа немцы начали переправляться на правый берег Немана, а русские отходили, очищая занеманские 3-й и 4-й отделы обороны. Потери войск генерала Циговича были огромны – в 413-м Порховском, 414-м Торопецком и 416-м Верхне-Днепровском полках осталось по 500–600 чел., а в 415-м Бахмутском – 140. Штаб крепости по распоряжению комкора-34 выехал в Вильно. Здесь он находился с 7 августа по 4 сентября, после чего отбыл в Минск, прибыв туда 8 сентября [РГВИА. Ф. 13148. Оп. 1. Д. 246. Л. 7об.–8].

Растерявшаяся от неожиданности падения крепости Ставка распорядилась отбить Ковно, но предназначенные для этого 34-й армейский и 3-й Сибирский корпуса не смогли даже должным образом сосредоточиться. Чтобы прикрыть оголившийся фланг 10-й армии, М. В. Алексеев был вынужден послать на Средний Неман свои резервы. Это были 5-й армейский (П. С. Балув), 2-й Кавказский (С. Бек Мехмендаров) и Гвардейский (В. М. Безобразов) корпуса. Соответственно, подготавливавшийся Алексеевым контрудар был сорван еще до окончания сосредоточения, так как собираемая группировка оказалась раздерганной на «затыкание дыры» во фронте, вызванной падением Ковно. Напротив, противник получил в свое распоряжение постоянную мостовую переправу с железнодорожной веткой.

Главным виновником падения Ковно был объявлен В. Н. Григорьев – потому что он в принципе покинул крепость без приказа свыше в условиях еще продолжающегося сопротивления. Комендант должен оставаться в крепости до конца, и уйти из нее либо последним, либо выполняя приказ. Ранним утром 4 августа В. Н. Григорьев выехал из крепости, в 9.00 утра Е. А. Радкевич телеграфировал М. В. Алексееву, что гарнизон Ковно бежит, а Григорьева нашли в тылу в 12 верстах от крепости. Днем же великий князь Николай Николаевич повелел Алексееву коменданта «арестовать и предать полевому суду»

[РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 792. Л. 74]. Алексеев приказал командарму-10 арестовать Григорьева и отправить в Вильно. Для производства дознания прибыл заведующий судной частью при полевом управлении Северо-Западного фронта А. Н. Абдулов.

26 сентября в Витебске суд Двинского военно-окружного суда за бездействие и оставление во время боя крепости Ковно приговорил бывшего коменданта к каторжным работам на 15 лет. Отвечавший за следственный процесс главнокомандующий армиями Западного фронта А. Е. Эверт на следующий день писал супруге, что предал суду ковненского коменданта – «сегодня получил от него телеграмму с просьбой исходатайствовать помилование и дать по возможности вновь служить». Но солдаты за побег расстреливаются, так что такой приговор – это «милостиво» [ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 962а. Л. 25об.]. Это был, наверное, единственный случай столь тяжелого приговора в годы Первой мировой войны по отношению к бездарному начальнику, проявившему трусость, что повлекло тяжкие последствия.

Разумеется, подсудимый имеет право на высшую апелляцию, и в день вынесения приговора 26 сентября В. Н. Григорьев телеграфировал в Ставку с просьбой о помиловании и дарования «возможности кончить жизнь в борьбе с врагом России... я помышлял лишь о пользе дела и, собирая ушедшие самовольно части гарнизона, надеялся вновь бросить их на Ковно. Не свою жизнь, а крепость стремился я спасти». По настоянию М. В. Алексеева – «общественная совесть Родины требует в данном случае применения к виновному заслуженного наказания», а посему «полагалось бы ходатайство осужденного и помиловании его – отклонить», – император Николай II 3 октября отклонил просьбу. Семья В. Н. Григорьева – супруга Евдокия Николаевна и сын Георгий Владимирович (и.д. начальника штаба 48-й пехотной дивизии) в прошении от 24 октября просила «даровать ему свободу, чтобы тот остаток дней его жизни, который Господу Богу упорно будет послать ему, он мог бы прожить на свободе и пользоваться тем уходом, в котором нуждается его здоровье, подорванное пережитыми им несчастьями» [РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 792. Л. 131, 142, 148]. Но, как верно подметил Эверт, солдат за такое расстреливают, так что просьбы опять-таки не возымели действия.

После сдачи крепости Ковно стало окончательно ясно, что русская система крепостей на Передовом театре пала. Общие потери русских в сдавшемся почти одновременно крепости Новогеоргиевск и самом Ковно – более 100 тыс. пленных и 1600 орудий (пусть даже многие из них и были устаревшими). Теперь пришлось сдавать крепости Усть-Двинск и Гродно, неготовые к обороне, и бросать укрепленный Брест-Литовск. На все крепости хороших комендантов не хватило: «если крепости, т акие как Ивангород и Осовец

сыграли выдающуюся роль, то, главным образом, не по воле высшего командования, а по воле энергичных и талантливых комендантов. Там же где таковых не было (Новогеоргиевск и Ковно) крепости никакой роли не сыграли. Притом, со стороны высшего командования комендантам ни одной из крепостей не давалось приказами твердых директив, и не внушалось волевых импульсов к победе» [1, с. 114–115].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)
3. Российский государственный исторический архив (РГИА)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Величко К.И. Русские крепости в связи с операциями полевых армий в мировую войну. Л., 1926. – 116 с.
2. Гофман М. Главный противник – Россия, М., 2015. – 525 с.
3. Людвиг М. Современные крепости. М., 1940. – 98 с.
4. Русские крепости и укрепления на фронте против Германии. Варшава. 1909. – 25 с.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

1. Velichko K.I. Russkie kreposti v svyazi s operaciyami polevyh armij v mirovuyu vojnu. L., 1926. – 116 s.
2. Gofman M. Glavnyj protivnik – Rossiya, M., 2015. – 525 s.
3. Lyudvig M. Sovremennye kreposti. M., 1940. – 98 s.
4. Russkie kreposti i ukrepleniya na fronte protiv Germanii. Varshava. 1909. – 25 s.

Рецензент: Саввин А.М. - канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Тульского государственного университета.